

В свои почтенные годы, после многих свершений на благо литературы и искусства, Николай Иванович Харджиев решил удивить читающую публику. Он выступил с далеко идущим заявлением.

«Много переводов сделано Ахматовой единолично. Не меньшее количество принадлежит мне. При этом необходимо иметь в виду, что многие переводы подвергались совместному редактированию», — сообщает Н.И.Харджиев в статье «О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой». Статья напечатана во втором выпуске «Ахматовских чтений» («Тайны ремесла», изд. «Наследие», Москва, 1992).

После чтения статьи наступила во мне ошеломляюще быстрая смена состояний: недоумение, потребность узнать, здоров ли автор, испуг, желание убедиться в том, действительно ли в статье написано то, что я прочитал, неистовство протестующей души читателя, гнев, невозможность понять, что произошло и как могло это произойти...

С Николаем Ивановичем Харджиевым я разговаривал в жизни всего один раз, разговор был тихий, ссоры или спора не возникло, продолжения не последовало. Нет, однажды по просьбе Анны Ахматовой я звонил ему, и на вопрос мой библиографического свойства он отвечал быстро и полно.

И вот этот человек, числившийся в кругу друзей Анны Ахматовой, надумал и решил сообщить миру некую щекочущую тайну, «тайну ремесла». При жизни Ахматовой молчал. Молчал и около трех десятилетий после ее смерти. Выходила одна за другой книги Анны Ахматовой, в том числе книги, целиком посвященные ее переводческим работам. Это, например, «Корейская классическая поэзия» — 1958 г., «Голоса поэтов» — 1965. Большой раздел переводов включен в двухтомное собрание сочинений Анны Ахматовой (М.: «Художественная литература», 1986, том второй). Книжки вышли еще при жизни поэта, что очень важно: значит, Анна Ахматова издавала свои, а не чужие книги.

Были недоуменные звонки ко мне, которые, разумеется, я не могу процитировать, звонки по телефону с филиппиками в адрес Н.И.Харджиева. Письмо одного из знатоков творчества Анны Ахматовой, известного собирателя и книголюба, я не могу не привести. Марк Николаевич Баженов обращается ко мне, как к члену Комиссии по литературному наследию поэта: «Читая мемуары одного литературоведа о том, как он переводил стихи одного поэта, ко мне вкралась догадка: уж не написал ли Михаил Кузмин для первой книги Анны Ахматовой «Вечер» (1912 г.) не только предисловие, но и все остальное?»

Н.И.Харджиев молчал. Какое завидное долготерпение! И вот выбрал же, однако, время, когда можно вразумить несмышлеников читателей. Что же удерживало его от раскрытия «тайны»? Что его сейчас подвигло на «разоблачительное» письмо? Может быть, Н.И.Харджиев решил, что нет свидетелей жизни и творчества А.А.Ахматовой? Свидетели были и есть.

В 1990 году одно из московских издательств предприняло отдельное издание переводов Анны Ахматовой. По рекомендации Л.Н.Гумилева составление книги и написание предисловия к ней были поручены мне. Работа началась, но была оборвана из-за общей ситуации с бумагой, типографиями и кризисным, дошедшим до катастрофы, положением в культуре. Серия переводов, выполненных русскими поэтами, была аннулирована, равно как и многие разделы тематического плана. Все же я имел возможность детально изучить переводческий корпус творчества Анны Ахматовой. Передо мной даже не вставал вопрос о принадлежности ей этих переводов. Творческое, рабочее общение с Анной Андреевной, в том числе и в области переводов, внушает мне глубокую уверенность в ее несомненном авторстве (есть известные оттенки в словах: переводчик и автор перевода).

Да что говорить о свидетелях. Есть свидетельство наиболее убедительное — признание самой Анны Ахматовой. В автобиографическом очерке «Коротко о себе» (1965), написанном за год до смерти, читаем: «Меня давно интересовали вопросы художественного перевода. В послевоенные годы я много переводила. Перевожу и сейчас». Можно ли не верить этому?

Один из друзей и последователей Анны Ахматовой, покойный Арсений Тарковский, в предисловии к книге ее переводов «Голоса поэтов» (М., «Прогресс», 1965) приводит пример единства ее творчества — оригинального и переводческого. В стихотворении 1940 года читаем широко известные строки.

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда...*

И рядом с этим Тарковский напоминает ахматовский перевод польского поэта Юлиана Тувима:

*Мне стали безразличны
Большие города:
Они не больше скажут,
Чем эта лебеда...*

В данном случае все та же «лебеда», в другом случае общность на уровне образа, интонации, мелодики и всего того неведомого и невидимого, имя чему — поэзия. Читатель поэзии безошибочно определяет присутствие автора в любых его работах.

Нет смысла «оправдываться» и приводить доводы в пользу непрерываемой принадлежности переводов Анны Ахматовой ее, а не чужому перу. Считаю позорным для нашей литературы даже постановку этой «проблемы», навязанной нам Н.И.Харджиевым. Времена такие, что накопление и обнародование компромата имеет характер цепной реакции: кто следующий?

Каково состояние умов, как говорили в старину! До чего же дошли наши литературно-общественные нравы! Видно, носители этих нравов подобострастно оглядываются на «верхние этажи», где ведутся нескончаемые «взаимоважливые» споры о коррупции, о кражах, о недозволенных вкладах в иностранные банки и тому подо-

Лев ОЗЕРОВ

НА ЗАПЯТКАХ АХМАТОВСКОЙ КАРЕТЫ

*Тот счастлив, кто прошел
среди мучений,
Среди тревог и страсти
жизни шумной,
Подобно розе, что цветет бездумно,
И легче по водам бегущей тени.
Так жизнь твоя была чужда заботе,
Как тонкий сон, но сладостный
и нежный,
Проснулась... Улыбнулась...
и небрежно
Вернулась ты к нарушенной дремоте.*

Нужна ли специальная экспертиза для того, чтобы узнать лирический почерк Анны Ахматовой?

Читатель стиха знает, что у истинных поэтов, в отличие от ремесленников, есть особый дар прикосновения к слову. Это видно по оригинальным стихам и по переводам.

Приведу шестистишие Рильке «Одиночество» в переводе Анны Ахматовой:

*О святое мое одиночество — ты!
И дни просторны, светлы и чисты,
Как проснувшийся утренний сад.
Одиночество! Зовом далеким не верь
И крепко держи золотую дверь,
Там, за нею, желанный ад.*

Если Н.И.Харджиев, неведомый поэт-переводчик, творит на таком уровне, так обращается со словом, заглядывает в такие его глубины, то наше общество убило еще одного истинного сильного поэта, и по сему поводу приходится печалиться. О, коварные люди!

Но никто, в том числе и Н.И.Харджиев, не может вспомнить стихи или стихотворные переводы Н.И.Харджиева. С этой точки зрения все ясно: никто не знает. Знают книги прозы, статьи, написанные и в соавторстве с В.Трениным, знают серьезные комментарии тщательного и многознающего Н.И.Харджиева, особо известны работы, относящиеся к Хлебникову и Мандельштаму. Оригинальных и переводческих стихов Н.И.Харджиева не знают. Что ж, как гласит народное присловье: «Жнет где не сеял, а собирает, где не расточал».

Однажды был я в гостях у поэта С.Э.Галкина вместе с Ахматовой. Она пришла навестить вернувшегося из лагеря больного собрата. Поэт сердечно благодарил Ахматову за ее переводы с еврейского. Она охотно приняла эту благодарность (помню почтительный ответный ее поклон автору стихов). Самуил Галкин, оказывается, должен был благодарить Харджиева?

Живой пример. Для готовящейся антологии литовской поэзии я заказал Анне Андреевне переводы цикла стихов Малинаускайте-Эгле. Мне пришлось убедиться в тщательной работе Ахматовой над этими переводами. Я видел рукописи со многими поправками. Некоторые делались при мне. У меня хранится машинопись с подписью переводчицы.

Просящая после длительного редактирования переводов, я сказал Анне Андреевне, что могу испещренную помарками рукопись перепечатать.

— Нет, — ответила она, — это моя забота. Пусть полегит два-три дня, я, возможно, еще кое-что исправлю.

Был случай, когда из-за редакционной неразберихи и халатности мой перевод стихотворения «Скорей согласен умереть...» (1947) был подписан именем Анны Ахматовой. Анна Андреевна обнаружила сперва эту опisku, а потом узнала имя переводчика. Она незамедлительно позвонила мне, возмутилась, сообщила об этом редакции и ко всему этому сказала, что вернет гонорар. А я, то, разумеется, ничего не предпринимал. Единственно, чего я опасался, — сурового осуждения самого перевода, недостойного быть подписанным таким высоким именем, как имя Анны Ахматовой.

Если мы за минуту поверим в то, что Н.И.Харджиев помогал Прекрасной Даме, великомученице русской литературы, в редактировании переводов (сие вполне вероятно и допустимо — у Лидии Чуковской и Анны Ахматовой было даже любимое словцо: придет Харджиев «придираться»), то им, видимо, руководило счастье общения с таким человеком и таким поэтом, радостью причастности к жизни и творчеству Анны Ахматовой. И он наверняка до поры до времени чувствовал обаяние и благородство ее, делившейся с друзьями всем, что имела.

Что им руководит сейчас? Не желание ли прокатиться в бессмертие на запятках ахматовской кареты? Владимир Даль говорит: запятки — место позади экипажа, где стоит или сидит слуга. Он называется запятником, запяточником. Известно, что на запятках помещались слуги. Слугой-запяточником или лакеем Н.И.Харджиев не был, но в бессмертье дрочиться ой как хотелось. Именно на запятках. Помните, как роскошно у Писемского сказано: «лакеи бережно посадили княгиню в карету и сами стали на запятки».

Повторяю: в слугах или лакеях Николай Иванович не состоял, но никогда не был он и рыцарем, не был кавалером, истинным мужчиной, не был другом, если с таким деловым улюлюканьем хлопочет вокруг своей старческой славы. Далеко, очень далеко он от народной мудрости, полагающей, что «Лучше свое отдать, чем чужое взять». Тщеславие становится болезнью, если дать ему волю. Эта воля может обернуться скандалом или сенсацией. Вот вам и скандал и сенсация, в ожидании которых и жил, оказывается, Харджиев Николай Иванович.

Хочется спросить: ну что, Николай Иванович, заморили червячка славы? Легче стало на душе? Не думаю. Увы, палка о двух концах. И оба конца, бывает, сильно бьют.

Будем надеяться, дурной пример не станет заразительным, не появятся новые рыцари, новые старые поклонники, новые лютые друзья Прекрасной Дамы, не заявят о своей доблести, о своем праве на запятки ахматовской кареты.

бное. Всеми овладел психоз разоблачительства. Литературе российской не пристало перенимать нравы у «верхних этажей».

Ни мне, ни другим знакомым и друзьям своим Анна Андреевна никогда не говорила, что на нее работали «негры». Н.И.Харджиев приводит перечень принадлежащих ему, как он свидетельствует, переводов. Он «пережил» их многократное печатание в газетах, журналах, книгах. Это, оказывается, перевод поэмы «Лиско» Цюй-Юаня (Н.И.Харджиев приводит похвальный отзыв одного китаиста в адрес Ахматовой, давая понять, что этот отзыв должен быть адресован ему). Обратимся к авторитетному свидетельству Лидии Корнеевны Чуковской в ее отличающейся достоверностью и документированностью книге «Записки об Анне Ахматовой» (журнал «Нева» №№4—9, 1993). Фиксируя разговоры с А.А.Ахматовой день за днем, Л.К.Чуковская приводит подлинное слово А.А.Ахматовой:

Запись от 1 августа 1952 года.

«Прочла наизусть перевод маленького стихотворения Нерис, — трогательного, пожалуй.

— У Саломеи, может быть, встречаются стихи и с длинными строчками, — объяснила Анна Андреевна, — но мне не повезло, попались все с короткими, а это очень трудно».

Далее. Запись от 31 декабря 1952 года.

Лидия Корнеевна спрашивает Анну Андреевну, пишет ли она сейчас свое. Анна Андреевна отвечает:

— Конечно, нет. Переводы не дают. Лежишь и прикидываешь варианты... Какие стихи, что вы!

Запись от 5 июля 1953 года.

«Дали китайца, необыкновенно трудного — работала три часа, глянула в зеркало — губы посинели... Такой трудный, — объяснила она».

Запись от 11 июля 1953 года.

«Анна Андреевна начала было читать нам своего китайца, но запуталась в листках и, огорчившись, отложила. А китаец интересный. Ей осталось 28 строк».

Запись от 21 января 1955 года.

«Сказала, что работает сейчас очень много, переводит корейцев и сильно устает.

— Сажусь с утра. Это легче, чем китайцы: без рифм, но все-таки трудно. Иногда идет, будто само, съезжаешь, как на салазках. Но зато потом стоп — и стоишь, стоишь...»

Запись от 6 февраля 1955 года.

«На днях была у меня Анна Андреевна. Привезла в подарок китайца. Бледная, отечная — тяжело даются ей китайцы!»

Запись от 14 апреля 1955 года.

Анна Ахматова рассказала о своих корейских переводах. «Холодович, редактор книги и заведующий кафедрой, прочитал их студентам. Корейцы спросили: «А не было это уже в «Аппо Домини?»

Запись от 25 апреля 1955 года.

«— Теперь мне кажется, что мои переводы корейцев плохи, — сказала Анна Андреевна».

Надо обратить внимание на слово «мои» и на слово «плохи», — так может характеризовать их только автор перевода.

Запись от 27 сентября 1955 года.

«Была у Анны Андреевны. Она сказала, что переводит Чаренца».

Запись от 16 ноября 1955 года.

«Анна Андреевна... читала в Союзе переводы корейцев...»

Запись от 29 февраля 1956 года.

«— Сердце как утюг. Вчера целый день лежала. Сегодня утром под гнетом утюга переводила Чаренца. Перевела 44 строчки». Егише Чаренц благодарит И.С.Поступальского за то, что он привлек к переводу его стихов Анну Андреевну Ахматову.

Запись от 12 марта 1956 года.

«Сказала, что уже много месяцев перечитывает Шекспира «Хроники». А переводит теперь Галкина — и восхищена».

29 марта 1956 года.

Румынские переводы понравились Лидии Чуковской, Анна Ахматова: «Заметили? Они, кажется, в самом деле удались. Их из меня Шервинский выбил».

Запись от 14 июня 1956 года.

«Когда я пришла, Анна Андреевна вручила мне подстрочники семи стихотворений Квитко: из них она перевела только три, а остальные переводить не хочет, ссылаясь на усталость и головные боли».

Запись от 5 августа 1956 года.

«Прочитала мне черновик своего перевода из Рабиндраната Тагора — «Счастье».

— Как вы думаете, продолжать или бросить? Очень скучные стихи».

Запись от 3 января 1957 года:

— «Что делать, если пишется свое, а приходится переводить чужое?»

Это — избранные выписки из второго тома работы Лидии Чуковской. Выписки можно умножить, таким образом и умножить свидетельства переводческого труда лично Анны Ахматовой. Но — хватит.

Близким людям было известно, что Анна Ахматова не любила долго засиживаться на переводах. Хотя бы потому, что они отвлекали ее от теснивших друг друга новых поэтических замыслов. Ей хотелось писать свое, оригинальное, переводы разлучали поэта с главным ее делом.

Н.И.Харджиев усердно перечисляет якобы «его труды»: это большая часть переводов в сборнике «Корейская классическая поэзия». Это четыре перевода из сборника «Сербский эпос». Это перевод стихов И.Волькера, С.К.Неймана, Г.Тукая, П.Маркиша, Е.Чаренца, Л.Квитко, Ю.Тувима, В.Броневского, С.Галкина. Стоп! Стоп, хотя харджиевский перечень не закончен.

Напомню ахматовский перевод стихотворения «Заре» с португальского: